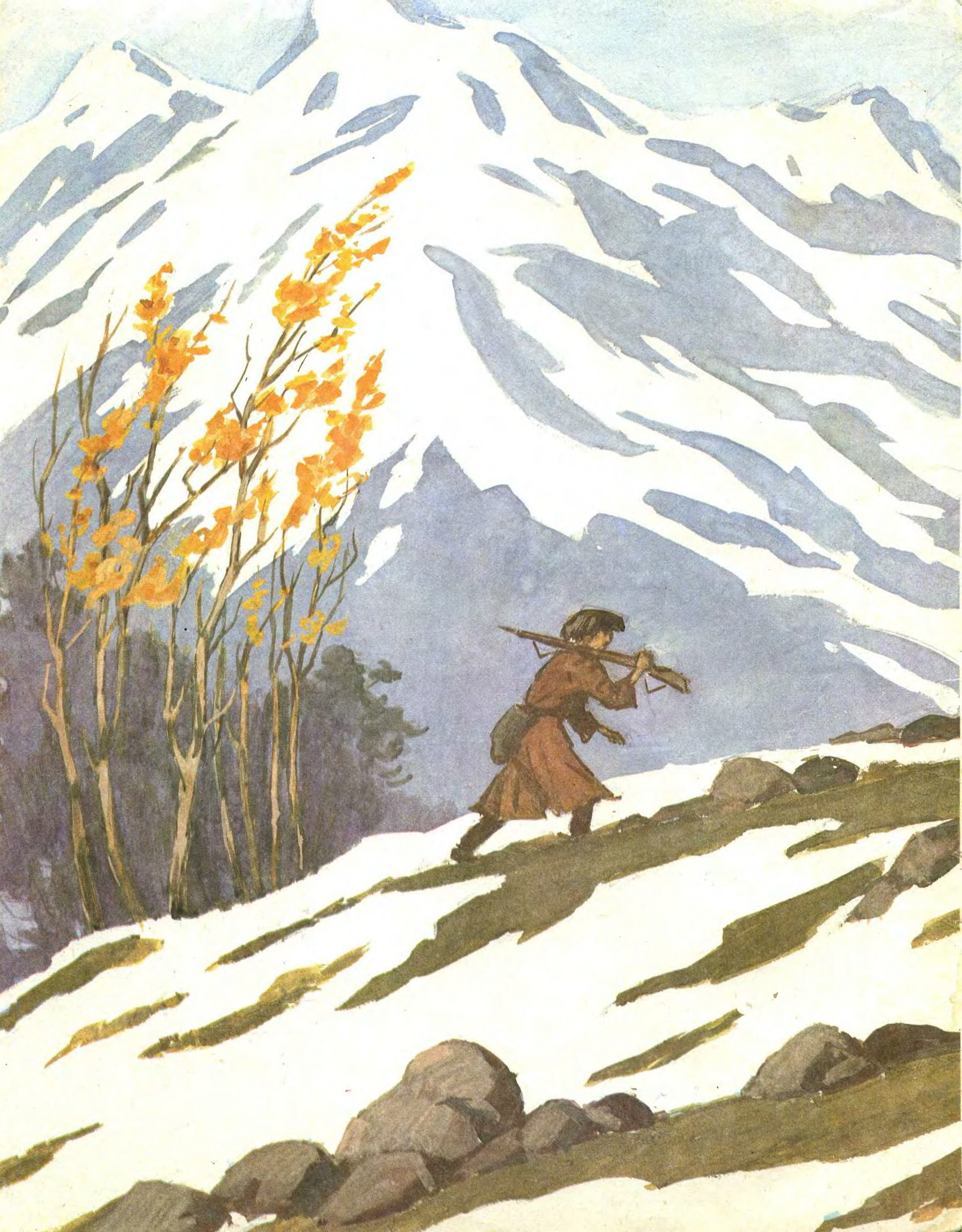

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

Храбрый партизан

Школьная библиотека

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

ХРАБРЫЙ ПАРТИЗАН

РАССКАЗЫ,
СКАЗКА

◇

Рисунки В. Коновалова

МОСКВА
„Детская литература"
1978

Р2
Т46

В этой книге напечатаны рассказы известного советского писателя Николая Семёновича Тихонова.

Это рассказы о замечательных героях гражданской войны — Щорсе и Будённом, о мужественных горцах, молодом партизане и его матери, вступающих в неравную борьбу с белыми. В рассказе «Мороз — Красный нос» автор рисует храбрость, отвагу советских бойцов в боях за нашу Родину.

Рассказы написаны на основе личных наблюдений или записей очевидцев, в них всё правда, и поэтому читаешь их с таким интересом и волнением.

Отзывы об этой книге присылайте по адресу: 125047, Москва, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Тихонов Н. С.

Т46 Храбрый партизан: Рассказы, сказка/ Рис. В. Коновалова; Переизд.— М.: Дет. лит., 1978.— 20 с., ил. (Школ. б-ка).

20 коп.

В книгу вошли рассказы о героях гражданской войны Будённом и Щорсе, сказка «Гассан и медведь» и др.

Т $\frac{70802-372}{М101(03)78}$ 174—78 Р2

ХРАБРЫЙ ПАРТИЗАН

Во время гражданской войны в горах Северного Кавказа произошёл такой случай. Пришлось отступать партизанам перед большими силами белых. Решили партизаны уйти подальше в горы. Но белые наседали — того и гляди, догонят. А партизанам нужно взять в горы семьи и скот. На совете один молодой партизан выступил и сказал:

— Товарищи, спокойно делайте свои дела. Я задержу белых на целый день, а может, и больше.

— Не один же ты их задержишь? Кто будет с тобой? Мы не можем выделить большой отряд.

— Я задержу их один,— сказал партизан,— мне не нужно никого и никакого отряда.

— Как же ты их задержишь? — спросили его остальные партизаны.

— Это моё дело,— ответил он.— Даю вам слово, что я задержу, а моё слово вы все знаете.

— Твоё слово мы знаем,— сказали партизаны и начали готовиться к походу.

Они все ушли, а молодой партизан (его звали Данел) остался.

На скале, возвышаясь над узкой тропкой, стояла старая башня, в которой он жил с матерью. Когда все ушли, он пришёл к матери, старой, но сильной женщине, и сказал:

— Мать, мы будем с тобой защищать путь в горы и не пропустим белых.

— Хорошо, сын,— ответила мать.— Скажи, что мне надо делать.

Тогда Данел собрал всё оружие, что было у него в башне. Оказалось, что у него есть три винтовки и два старых ружья. Есть и патроны, но не очень много.

Он положил винтовки и ружья в разных окнах башни, направил все их на тропу в определённое место и зарядил.

— Смотри,— сказал он,— я буду стрелять, а ты заряжай ружья. Ты умеешь заряжать ружья?

Старушка улыбнулась и сказала:

— Старые — умею хорошо, новые — ты мне покажешь.

И он поцеловал её в ответ и показал, как заряжать винтовки. Затем она пошла к ручью и принесла воды в кувшине.

— А это зачем? — спросил сын.

— А это — если ты захочешь пить или тебя ранят, вода пригодится.

Не успели они покончить с приготовлениями, как на тропе показались белые. Впереди отряда ехали два статных всадника с красными башлыками на спине. Серебряные газыри блестели на их черкесках, кинжалы у пояса, шашки по бокам, винтовки за плечами. Бурки были свёрнуты и привязаны к седлу сзади. Ехали они, не думая, что старая башня чем-нибудь угрожает. Они ехали и смеялись над партизанами.

Данел прицелился и выстрелил два раза. Когда дым рассеялся, он увидел, что всадников на тропе нет. И кони и всадники упали с обрыва в реку.

Тогда те, что ехали сзади всадников, остановились и стали совещаться. Они стреляли по башне, но у башни были такие старые толстые стены, что никакими пулями нельзя было их пробить. Тогда несколько всадников пустили лошадей вскачь, но Данел заранее положил на тропе большие камни, и лошади перед ними остановились. Ещё два всадника упали с сёдел вниз головой. И мать Данела зарядила ему снова винтовку. А он стрелял из разных щелей и окон, чтобы казалось, что в башне много народу. Тогда белые стали непрерывно стрелять по башне. Пули так и свистели по карнизам. Иные залетали в башню и ударяли в стену с противным визгом.

Данел стрелял метко. Он целился спокойно и никого не подпускал к башне. Все, кто пробовал пройти по тропе, были ранены или убиты. Тогда белые пришли в страшную ярость, и два смельчака спустились с обрыва в реку и, держа в зубах кинжалы, переплыли реку и стали взбираться по острым уступам к башне с другой стороны. Их не видел Данел, но его мать увидела. Она, не говоря ему ничего, стала следить, как лезли с тыла белые. Она взяла старинное ружьё и выстрелила в белых. И когда один из них упал в реку, другой растерялся, неловко схватился за камень и полетел вниз вслед за первым.

Когда белые увидели это, они прервали бой и стали совещаться.

— Несомненно,— сказали они,— в башне опытный отряд, который держит всю местность под обстрелом. Стреляют и снизу, и сверху, и с тыла. Что будем делать?

— Надо подождать пушку, пушка сразу разрушит башню,— сказали одни.

Но другие не согласились:

— Пушку некуда поставить. Пушка сорвётся в пропасть. Пушка тут не поможет.

И они опять начали сражаться и ранили Данела в руку. Мать перевязала ему руку и, пока он отдыхал, стреляла сама, и очень метко. Тогда белые снова начали совещаться.

— Давайте сделаем так,— сказали они,— пушку не будем вызывать, но их напугаем пушкой. Пошлём к ним для переговоров человека без оружия и скажем, что если они не дадут дороги, то мы их всех убьём из пушки.

Это предложение понравилось белым. И вот Данел увидел, что по тропе к башне идёт человек, снимает с себя винтовку, кинжал и кладёт на камни.

— Эй,— кричит он,— выходи кто-нибудь, ничего не будет, разговор имеем небольшой!

Данел говорит матери:

— Я пойду разговаривать, а ты следи и, чуть что, стреляй. Ты устала, наверно, матушка, сражаемся ведь целый день...

— Данел, Данел,— сказала мать,— с белыми волками я готова всю остальную жизнь сражаться, чтобы их всех перебить. Я не пью и не ем, я сыта нашей победой.

— Вот ты какая у меня! — сказал Данел и стал спускаться к тому белому, что ждал его у камней.

Данел встал по другую сторону камней и говорит:

— Что надо, что скажешь?

— Что скажу? Одно скажу — давайте нам дорогу, а не то всех вас перебьём. Весь ваш отряд с тобою вместе.

— Если ты только за этим пришёл, можешь обратно идти,— говорит Данел.

— Нет, я имею предложение!

— Какое ты имеешь предложение, говори.

— Если вы не откроете дорогу нашему отряду, мы поставим сейчас пушку и всех сразу повалим: и вас всех, и башню вашу паршивую...

— Дай подумать,— сказал Данел, посмотрев на небо.

День уже склонялся совсем к вечеру. Он подсчитал в уме, сколько осталось патронов,— патронов осталось очень мало. Он сказал:

— Ну хорошо, мы дадим вам дорогу при одном условии.

— Говори своё условие.

— Мой отряд держит эту дорогу до темноты. Как будет темно, мы уйдём. И пусть будет дорога ваша.

Белый очень обрадовался, думая, что партизан испугался пушки. И, радуясь тому, что он так ловко обманул партизана, как бы нехотя сказал:

— Хорошо, пусть так и будет. Мы отдохнём до ночи, но тогда вы уж убирайтесь немедленно, или вам всем будет худо.

С этими словами белый пошёл к своим, а Данел вернулся в башню. Когда стало совсем темно, он привёл к башне коня, навьючил на него винтовки, посадил свою мать и отправился в горы. А белые, боясь засады, целую ночь стояли на месте. И когда они утром двинулись в горы, в долине никого уже не было. А за это время партизаны хорошо укрепили свои позиции.

РАССКАЗ О БУДЕННОМ

Раз во время гражданской войны ехал Будённый вдвоём с ординарцем по дороге. Дело было к вечеру. Увидели они одинокий хутор. Это был хутор Жутовский.

— Этот хутор должен быть уже занят нашими,— сказал Будённый,— белых тут не должно быть. Заедем, посмотрим.

Заехали они на хутор, а там белые. Подошли к всадникам белые, все в погонах, но офицеров нет, только солдаты. Стоят и всадников рассматривают. А Будённый и его ординарец носили бурки, которые их закрывали с головы до ног. Белые и не могут понять, кто они такие: казаки или белые, что тоже бурки носили, или какие-нибудь люди из охраны белого штаба. Спрашивают Будённого:

— Что это у тебя конь-то будённовский — хвост подрезан?

А Будённый оглаживает коня и спокойно отвечает:

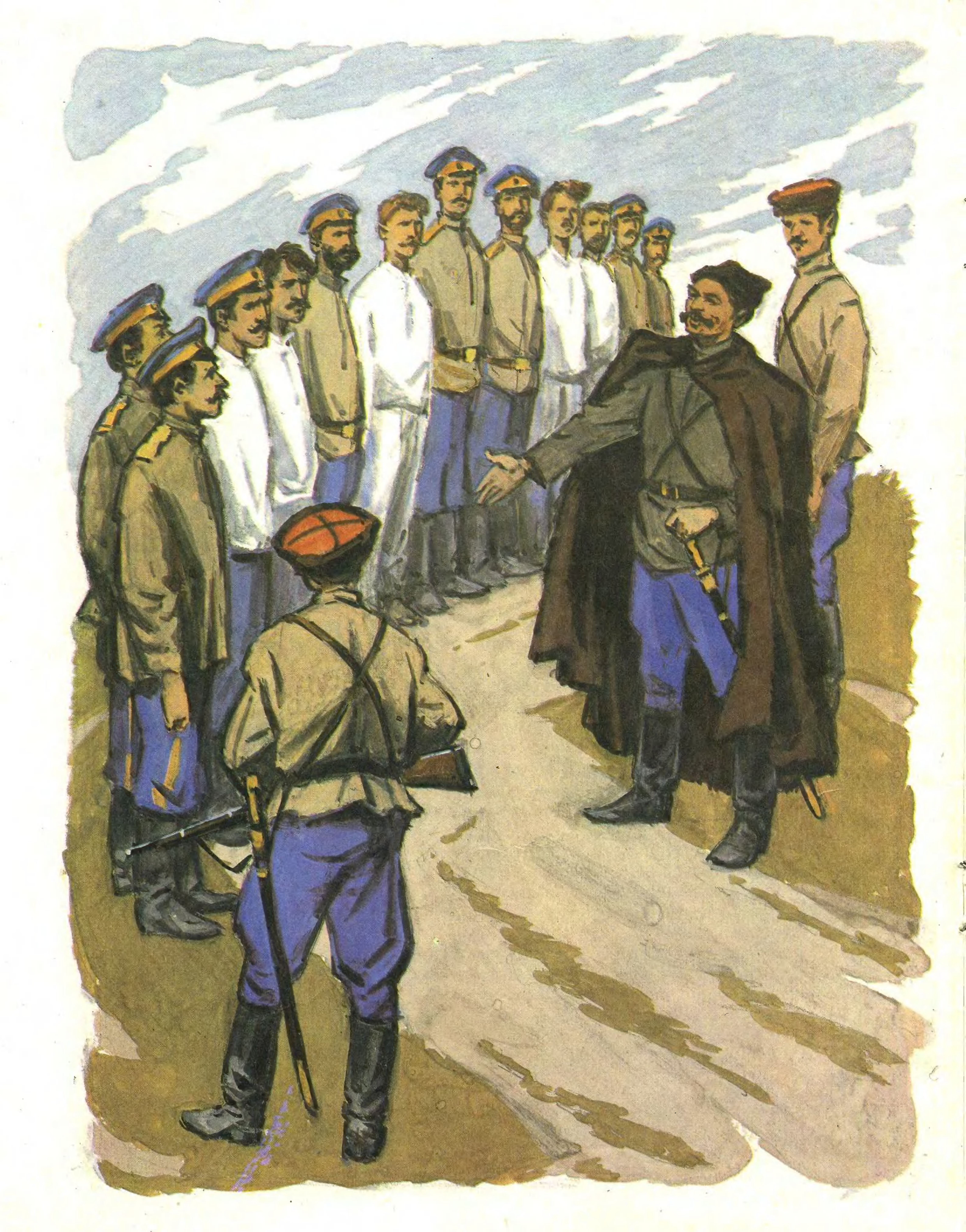
— У будённовцев отбили.

Ну, тут белые решили совсем, что это свои. Стали одни спокойно расходиться, а другие говорят:

— Ну, слезай, как раз к ужину приехали. Будем ужинать.

Ничего не поделаешь. Будённый посмотрел на ординарца. Тот незаметно подмигнул: мол, понимаю, как себя вести. И они слезли с коней, привязали их около хаты и вошли в неё.

Сели, бурки не скинули (это не в обычае было) и стали ужинать. А белые солдаты за ужином хвастаются: «Ох, этот Будённый, какой он храбрый! Сколько он с нами воевал! Мы Будённого самого в лицо знаем, сколько с ним встречались... Даже коня его узна́ем».

Ординарец сидит, ест молча, только под буркой оружие наготове держит, а Будённый ест и говорит:

— Я Будённого тоже много раз видел. Даже в плен хотел взять, да не сумел.

Белые засмеялись на его слова.

— Эх ты,— говорят,— такое счастье проворонил! Уж мы так не сплоховали бы.

Поел ещё немного Будённый и сказал ординарцу:

— Надо коней посмотреть, покормить их тоже.

Вышли они из хаты, отвязали коней, оглянулись, а белые все по хатам сидят, ужинают. Только голубой дымок из труб идёт. И степь кругом лежит широкая, тоже голубая.

Вскочил Будённый на коня, ординарец за ним, и помчались они с хутора в степь. Взяли верную дорогу, приехали к своим. Собрал сейчас же Будённый командиров, велел им хутор с двух сторон окружить и ударить на белых.

Выскочили белые, кто с ложками, кто раздетый: после ужина спать иные полегли. Стали стрелять, да поздно — всех их забрал Будённый в плен и приказал всех пленных построить.

Построили пленных, а он прошёл по фронту и остановился против тех, что говорили про него и хвастали. Посмотрел он на них и говорит насмешливо:

— Что врали, будто Будённого в лицо знаете! Вот перед вами Будённый!

Видят они, что это он с ними недавно ужинал, стоят ни живы ни мертвы: сейчас всех перестреляет.

А он видит, что это простые крестьяне, которых силой белые заставили себе служить, и говорит им:

— Вас, дураков, обманули белые генералы. Идите по домам да больше с белыми не якшайтесь.

И отпустил их домой.

РАССКАЗ О ЩОРСЕ

Знаменитый герой гражданской войны Щорс был человек неустрашимый. Он во многом походил на Чапаева, и его даже сейчас часто называют — украинский Чапаев.

Раз он ехал по дороге на легковом автомобиле. Ехал он со своим штабом. Все, конечно, вооружённые. И даже гранаты висели у поясов. Машина была старенькая, разбитая, но лихость могла показать, да и шофёр был лихой, а какой шофёр — такова и машина.

Ехали они полями, и поля эти не имели ни конца ни края.

Смотрит Щорс на эти поля и говорит: «Смотрите, вот он, наш родной советский простор!»

Только он сказал это, схватил его за рукав адъютант и кричит: «Петлюровцы впереди!»

Видит Щорс: в облаках пыли мчится им навстречу грузовик. Полон грузовик вооружённых людей. И винтовки блестят в пыли, и пулемёты торчат по краям.

И видит Щорс: болтается над грузовиком голубой с жёлтым петлюровский флажок.

Катят обе машины навстречу друг другу, и свернуть машинам некуда. По сторонам дороги канавы, и очень глубокие. Только-только места разойтись найдётся.

Все в машине Щорса схватились за оружие, а Щорс говорит шофёру: «Чуть позадержи ход, как сравняемся, и сразу на полный гони... Гони во весь дух!»

Петлюровцы ехали пьяные, песни орали, но как увидели машину впереди себя, стали присматриваться, кто это едет навстречу.

Пыль клубится, ничего сразу не разберёшь.

Стали они махать руками и шапками и кричать: «Стой, стой!»

Куда там! Летят машины навстречу, и нет уже силы их остановить. И если шофёры не угадают, врежутся машины одна в другую.

В такую отчаянную минуту снимает Щорс с пояса гранату, заряжает её хладнокровно и встаёт в машине. И так летит навстречу петлюровцам.

А те не могут за пылью разобрать, что он делает. Только всё орут своё: «Стой, стой!»

Уже совсем рядом машины. Видят петлюровцы красные звёзды на фуражках и кожаные куртки перед собой. И видит Щорс, как свисают винтовки, видит страшные морды пьяных петлюровцев.

И как взревут тут петлюровцы: «Хто вы такие?» И прямо в упор: «Да то ж коммунисты!»

Щорс как размахнётся — и прямо в них, в толпу, гранату и кричит шофёру: «Полный!»

Как взовьётся машина Щорса вперёд, только свист в ушах, да через три секунды позади них — удар. Взорвалась граната.

А машина мчит и мчит, и поля уже не бегут по сторонам, а летят, как на крыльях. Только когда от быстроты сзади уже пыль стала стеной, убавил шофёр ход и пыльным рукавом вытер пот со лба.

А Щорс сорвал с головы фуражку, стукнул ею о колено, сказал: «До смерти живы будем!» — и засмеялся.

ГАССАН И МЕДВЕДЬ

Сказка

Раз один горец, по имени Гассан, должен был пойти по делам в соседнее селение. Дело было ранней весной, и пройти было не так просто. Большие снега завалили все тропы, и осталась только одна узкая скользкая тропа. Она висела над пропастью, в которую страшно было смотреть. Там, внизу, чуть гудела река. Её даже не было видно с тропы. Кроме этой отвесной, узкой, прилепившейся на карнизе тропы, пути не было. И надо было по ней идти быстро, чтобы вьюга не застала на ней человека. Всаднику на такой тропе и то надо пешком идти и вести лошадь в поводу. Разойтись на ней двоим можно только очень осторожно.

Уже долго скользил по этой тропе Гассан. Тропа то спускалась чуть ниже, то снова забиралась на гору. Но Гассан был старый горец, и его не пугали скользкие уступы, такие маленькие, что он не раз задумывался, куда поставить вернее ногу, чтобы не сорваться.

И вдруг на повороте он увидел, что кто-то идёт по тропе ему навстречу. «Кто бы это мог быть?» — подумал он и стал перебирать всех знакомых из соседнего селения, у которых могли быть дела в его родном ауле.

Тот, кто шёл ему навстречу, был одет в какую-то рыжеватую бурку, и такой бурки он тоже не мог припомнить. Такой бурки у его знакомых не было. И человек этот был или старый, или больной, потому что ворчал и пыхтел очень громко.

Когда он подошёл совсем близко к Гассану, горец увидел, что перед ним не человек, а медведь, который стал на задние лапы и остановился, недовольно ворча на Гассана.

Он остановился очень близко и смотрел на Гассана маленькими жёлтыми глазками. Зима уже кончалась, и, по-видимому, какое-то важное дело заставило его выбраться из берлоги. Может, в неё упали камни и выгнали его из берлоги, может, он страдал бессонницей и рано проснулся от зимней спячки.

Одним словом, как ни думай, но медведь всё приближался к Гассану. То он махал лапой, как бы требуя освободить себе дорогу, то останавливался и вздыхал.

Гассан сказал ему сначала очень мирно, по-приятельски:

— Хочешь не хочешь, у меня дело поважнее, чем у тебя, короткоухий. Потеснись немного, и мы разойдёмся с миром.

Но медведь на это предложение стал махать лапами и так ворчать, что серый пар пошёл из его раскрытого рта. Он точно хотел сказать, что у него тоже важное дело и что он торопится не меньше Гассана.

Так они стояли уже совсем друг против друга, и свернуть с тропы им было некуда: наверху отвес, внизу пропасть. Но так стоять долго было бессмысленно, и Гассан стал сердиться:

— Что ты, дурак, не понимаешь, что нам вдвоём рядом не пройти? Прижмись к скале, и я пройду мирно. Мне же и прижаться некуда — смотри, я на голом льду стою.

Медведь, расставив для крепости лапы, только мотал головой и смотрел на Гассана злыми глазами.

Тогда Гассан, завернув руку в бурку, смело шагнул вперёд и тронул медведя за плечо. Медведь цапнул его за руку, и Гассан испугался, что медведь сбросит его в пропасть. Он схватил его обеими руками и хотел как-нибудь проскользнуть мимо него, но теснота была такая на тропе, что они невольно начали бороться, как настоящие борцы. Гассан стоял твёрже на скале и почти отодвинул медведя к краю пропасти, но тут медведь сделал ему подножку, и они чуть не свалились. Гассан рассердился окончательно. Он закричал:

— Ах ты, подлый зверь, ты моей смерти желаешь! Ты добром не можешь обойтись. Так вот тебе...

И он ударил его по мохнатой и холодной морде. Медведь заревел и укусил его в руку. И тут они всё забыли и дрались, как два медведя, как вдруг край тропы обломился — это был ледяной карнизик,— и они полетели оба вниз.

Гассан очнулся первый. Всё тело его ныло. Сквозь черкеску проступала кровь из раненой руки. Голова кружилась. Гассан огляделся. Он сидел в сугробе на небольшом выступе, ниже тропы метров на десять. Выступ был небольшой и с одной стороны имел скат к реке. На этом скате сидел медведь и, охая, брал в лапы большие комья снега и прикладывал их к голове. Когда снег таял, он тёк по его морде, и Гассану показалось, что медведь плачет в три ручья. Ему стало жалко медведя, и он начал ему выговаривать:

— Вот видишь, мохнатый дурень, куда привела тебя твоя глупость! Вот теперь оба мы сидим израненные, и когда доберёмся до дома — не знаем.

Медведь начал подниматься, но он так ушиб зад, попав на камень, торчавший из снега, что опять, тяжело кряхтя, сел в сугроб и начал растирать себе зад.

Несколько часов карабкался Гассан на тропу и, когда он уже стоял на тропе, взглянул на медведя.

Медведь тихо сползал, осторожно щупая снег, к реке по скату, и он был уже так смешон, что Гассан отошёл сердцем и хохотал над ним добрые десять минут. Потом он пришёл в селение и пошёл к фельдшеру. Рука у него долго болела, и он до старости владел ею неуверенно. Медведь вырвал ему кусок мяса.

С тех пор Гассан остерегался без оружия ходить ранней весной по этой тропе. Он очень хотел узнать, по какому делу спешил неуклюжий этот медведь, но этого никто ему не мог сказать, и никто, кого он ни спрашивал, не мог ему на это ответить.

МОРОЗ — КРАСНЫЙ НОС

Шли два политрука по лесной военной дороге. Одного политрука звали Бычков, а другого Капустин.

День был такой морозный, что земля звенела. Навстречу им лошади везли пушку, у лошадей гривы были как из белого мрамора, а веки длинные-длинные и вместо чёлки на лбу ледяные сосульки.

Валенки скрипели по снегу. На касках блестела ледяная чешуя. Я спросил, куда они идут. Они ответили, что ищут один передовой медицинский пункт, где находится их товарищ, политрук Рыбкин.

— Он себе руки поморозил,— сказал Бычков,— в бою был. И как это так получилось, что он руки поморозил? Не понимаю. Вот мы ищем его, чтобы узнать о его здоровье.

Я пошёл с политруками. Мы спрашивали, где этот медицинский пункт, и всё не туда попадали. То влево заберём — на батарею выйдем, то вправо — на танкистов, то кухня попадётся навстречу. Всё не то, что нужно. Бычков идёт, рассуждает:

— Как это только он поморозил руки! Он в бою рукавицы обронил. Надо бы что-нибудь придумать, чтобы не терять рукавиц. Он такой сообразительный, а не сообразил, что можно их к рукавам пришить, например.

Мы вышли к какому-то штабу и там спросили дорогу. Нас послали в гору.

Пошли мы в гору. Снег глубокий, жёсткий, идти трудно. Бычков дышит запыхавшись, а всё говорит:

— Можно рукавицы через плечи на тесёмочки прикрепить, тогда не потеряешь, а то это не дело — руки морозить. Военный человек должен всё предусмотреть, особенно когда такой мороз.

Капустин показал на замёрзшую галку. Галка лежала кверху ногами, чёрная как уголь.

— Вот ведь мороз какой, как в сказке, и галки на лету дохнут,— сказал Капустин.

А Бычков снова подхватил:

— Вот я и говорю: в такой мороз надо быть настороже. Уж я, как увижу своего дружка Рыбкина, скажу ему: «Ты герой, Рыбкин, а вот недоглядел, руки поморозил. Надо было бы хоть запасные рукавицы иметь, в кармане где-нибудь, а то это не правило — руки морозить».

— Да вы ведь не знаете, при каких обстоятельствах он руки поморозил,— сказал я, одолевая крутой подъём рядом с пыхтевшим Бычковым.

— Какие обстоятельства? — ответил он, надуваясь.— Обыкновенные обстоятельства. В бою увлёкся, стрелял, командовал, глядь — рукавиц и нет, и руки холодные. А можно было бы ну хоть к поясу их привязать.

Влезли мы на гору. На горе тоже военных людей сколько угодно, а всё этого передового медицинского пункта не отыскать. Наконец показали нам на одну рощу. Зашли в неё. А нам говорят: «Мы людей не лечим. У нас вон какие пациенты, смотрите, в автомобиле стоят».

И верно: на грузовике стояли больные лошади и уныло ели сено.

Пошли мы дальше.

Вдруг неожиданно вышли мы к палаткам. Около палаток — автомобили, груды ящиков, кухня дымит, люди взад и вперёд в палатки и из палаток бегают. Спрашиваем одного, какой это медицинский пункт. Оказалось, тот самый, что нам нужен.

Выходит молодой врач; от мороза нос красный у него, а глаза весёлые, карие.

Он спросил, кто мы такие. Мы сказали, и он осмотрел нас внимательно. Капустин говорит:

— Мы одного больного хотим навестить...

— Рыбкина, политрука,— сказал Бычков.— Он у вас находится?

— У нас,— ответил врач,— ему совсем хорошо, руки его мы отходили, и он завтра в часть едет, всё в порядке.

— Вот мы хотим с ним повидаться,— сказал Бычков.

Но врач глядит на него пристально и говорит:

— Прежде чем вы с ним повидаетесь, разрешите вами заняться.

— Как — мной? — говорит растерянно Бычков.

— А так,— говорит врач,— вы себе уши отморозили.

— Как — уши отморозил? — закричал Бычков.

Мы смотрим, а у него вокруг каждого уха по белой каёмочке. Как будто уши по краям белой бумагой оклеили.

— Вот так раз! — сказал Капустин.— Всю дорогу нам проповедовал, а сам уши отморозил!

Тут Бычков быстро наклонился, сгрёб снегу, сколько мог захватить, и хотел тереть себе уши, но врач остановил его и сказал:

— Это уже оставленное нами средство. Оно не так скоро помогает. Идёмте со мной. Я вас быстро вылечу. Только замечание должен сделать: в такой мороз нужно следить за собой, а то и без носа останетесь.

И он повёл замолчавшего Бычкова в палатку лечить его белые уши.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

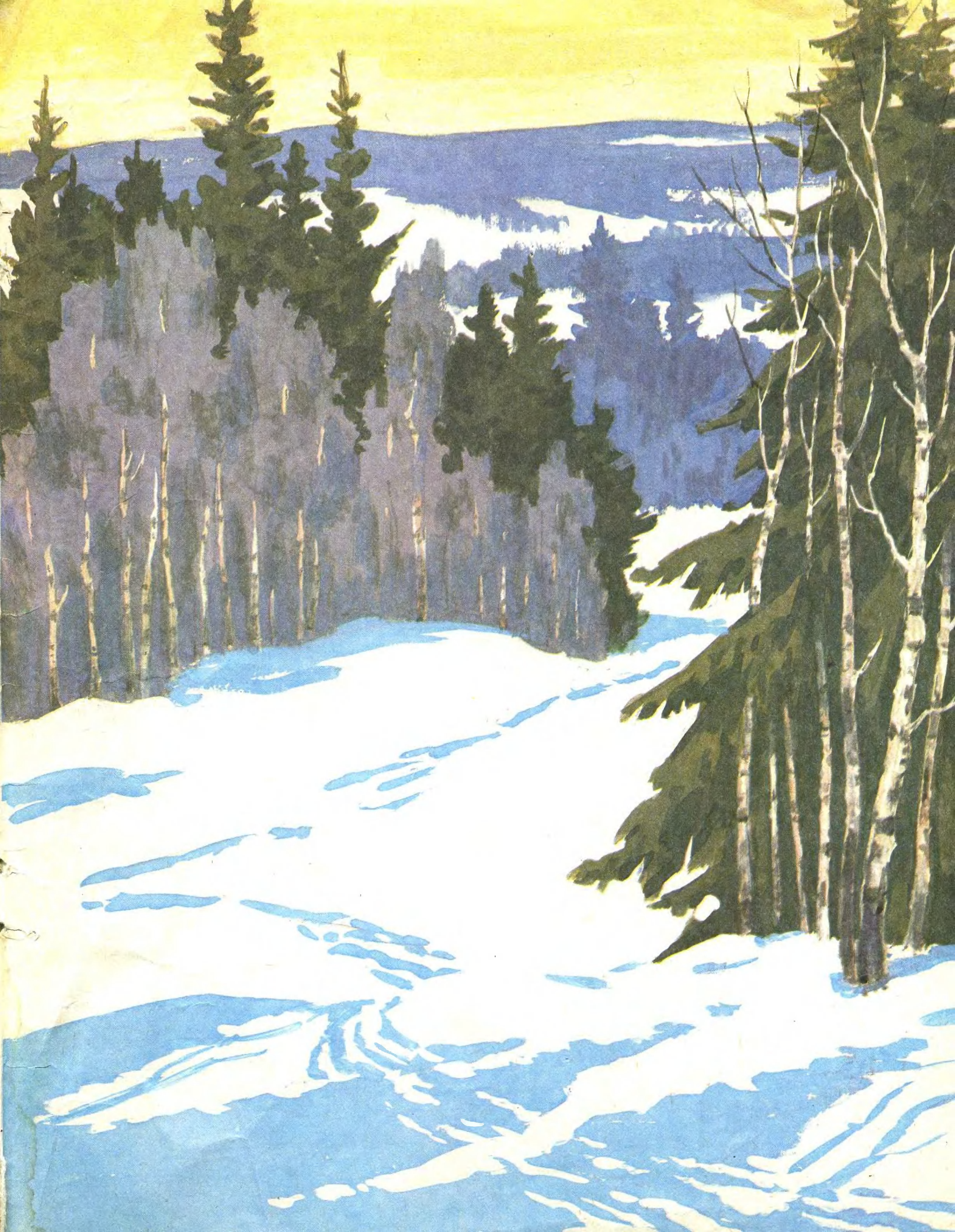
Николай Семёнович Тихонов

ХРАБРЫЙ ПАРТИЗАН

Рассказы, сказка

ИБ № 297

Ответственный редактор *Л. П. Серебрякова.* Художественный редактор *Е. М. Ларская.* Технический редактор *Л. С. Стёпина.* Корректор *Н. Г. Худякова.* Сдано в набор 12/V 1978 г. Подписано к печати 26/VI 1978 г. Формат 60×90 1/8. Бум. офс. № 1. Шрифт литературный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,5. Уч.-изд. л. 2,36. Тираж 1 200 000 экз. Заказ № 2587. Цена 20 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература», Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущёвский вал, 49.

20 коп.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»